

многим это естественный процесс: писанка – продукт аграрного общества, который вытесняет более агрессивная урбанистическая культура.

Перспектива дальнейшего существования данного вида искусства, по нашему мнению, может идти в двух направлениях: первое – сохранение местных традиционных особенностей, второе – создание авторских работ, в которых в небольшой степени учитывается традиционная символика. Особенного внимания требует первое направление, поскольку традиция, не являясь коммерческим проектом, может быть утрачена и заменена сувенирными изделиями, созданными в угоду туристическому бизнесу. Именно для сохранения традиции писанкарства на территории славянских государств, ее региональных особенностей, еще сохранившихся в некоторых странах (Беларусь, Болгария, Германия (Лужица), Польша, Россия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия), мы видим необходимость включения искусства писанкарства в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО [2].

Библиографический список

1. Jěva-Marja Ćornakec Kleine sorbische Ostereier fibel. – Leipzig, 2007.
2. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. – Париж, 2003.

КУЛЬТУРА РУКОДЕЛИЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б. Л. Шапиро

**Российский государственный социальный
университет, г. Москва, Россия**

Summary. The article deals with the historical aspect of women's non-professional needlework, as part of the everyday culture of the Russian family. It is noted that needlework was an important part of family values and part of the spiritual and moral education. Analyze the participation of women in creating their own costumes.

Key words: spiritual and moral values; family values; everyday life; history of costume; needlework.

Исследование участия русской женщины в промышленно-эстетическом формировании национального костюма является актуальным, так как заполняет существующую лауну в российской женской истории. Одной из форм участия женщины в создании костюма было любительское рукоделие, которое, явля-

ясь одним из значимых элементов материальной культуры, кроме того, отражает и творческую роль женщины, ее положение в семье и социуме в определенные исторические периоды. Русская культура создавалась в течение тысячелетий, в это время происходила трансформация семейных отношений, формирующих мир русской женщины. В этом мире женщина выступала не только как жена и мать, но и как важный участник духовного и материального благополучия семьи.

Несмотря на постоянный научный интерес к истории костюма, эта область малоисследована. Историографическая неразработанность проблемы связана с рядом обстоятельств. Имеется некоторое количество научной литературы об отдельных видах женского ручного труда; при этом работы отечественных ученых в основном посвящены крестьянским ремеслам – народной вышивке, кружевоплетению, которые исследуются, как правило, в рамках искусствоведческих наук. В этих условиях практически неизученными оказались женские ремесла и портновское искусство городской, в основном мещанской, среды, как факты истории Отечества.

История появления любительского рукоделия на Руси, или, по древнему выражению, «ручного ремесла» [1], как сугубо женского занятия, относится к далекому прошлому. Так, известно, что Феврония Муромская (ум. 1228 г.), в бытие ее крестьянкой «сядеше бо едина девица и ткаше красна, пред нею же заец скача», «а ставши княгинею, а потом и монахинею, однажды в храме Пречистые соборные церква своими руками шила воздух, покров на св. сосуды, на нем же бе лики святых» [2]. Княгиня Анна Всеволодовна, жена Рюрика Ростиславича (ум. 1214 г.), «должность материнскую хранящи, научила чад своих словесам и закону Божию, также милости и благодарию. Сама прилежала трудам и рукоделиям, швениям златом и серебром, как для себя и своих детей, пачеже для монастыря Выдубицкого» [3]. Пряденье, тканье и шитье и тогда было сугубо женским занятием, по пословице: «жена пряди рубашки, а муж вей гуж» [4], а рукоделие как повседневное занятие было самым распространенным видом досуга женщин, обреченных русским обычаем на замкнутую жизнь: «когда муж на царской службе, она без сна в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле» [5].

Оно было необходимым занятием женщин разных социальных слоев и разного возраста: «в бедности, в которой человек, какое бы он не имел состояние, находиться может; или даже как удовольствие, ибо случается работать для любезных нам людей, в знак памятования о них, и для себя, в дом (свой труд всегда приятнее иметь на глазах, нежели чужой), или еще когда находишься в таком состоянии здоровья, что не можешь ни чи-

тать, ни рассуждать, – сие часто бывает с людьми слабого здоровья, – тогда, чтобы не быть в праздности, занимаешь себя каким-либо рукоделием и время проходит не так скорбно» [6].

Характер женских занятий и их практическое значение определялись материальными возможностями семьи: беднейшие занимались женскими промыслами от нехватки денег; девушки из семей среднего достатка сами готовили себе приданое и обеспечивали одеждой себя и своих близких; для богатых вышивка и вязание были больше занятием не для прибыли, а для личного развлечения, от праздности. В обеспеченных семьях были в ходу рукоделия по последней моде: вышивание кисетов, кошельков, домашних туфель, подушек, то есть изготовление подарков для своих близких. Девушки из небогатых семей учились кройке и шитью, что помогало им зарабатывать на жизнь. «Шить я умела, – этому научила меня мать, я и белье, и платье сама шила для себя», – вспоминала мемуаристка А. Успенская. Хорошо известно, как в эмиграции владение «женскими ремеслами» служило единственным средством существования и спасало от голодной смерти [7]. Изготовление одежды для своих близких считалось приемлемым даже для верхушки общества: «царица была сама рукодельницею... Она нередко по обещанию сама вышивала шелками, золотом и серебром и низала жемчугом и каменьями какую либо утварь в домовые свои церкви, в соборы или в монастыри к особо чтимым угодникам. Точно также она сама работала и некоторые предметы из платья государю, и детям, например, ожерелья или воротники к сорочкам и кафтанам, как и самые сорочки, обыкновенно вышиваемые шелками и золотом, также ширинки или платки, полотенца и т. п. Детям у царицы в хоромах шились даже куклы, для чего отпускались туда нередко лоскутки и остатки разных дорогих и легких шелковых и золотных тканей. Мы не упоминаем о детском белье, которое большею частью тоже по всему вероятно изготовлялось в комнатах царицы, особенно для маленьких детей» [8]. Искусными мастерицами были супруга и дочь последнего русского царя, которые вышивали, шили рубашки, вязали, как и тысячи других женщин, в соответствии с традиционной философией семейной роли, уготованной женщинам России.

В отечественном патриархальном обществе женское рукоделие приобрело такое нравственное и практическое значение, что считалось важнейшим пунктом воспитания и образования девочек. Бездеятельность, праздность сурово осуждались, следовательно, уроки женских видов ручного труда для девочек в российской системе образования были включены в обязательную программу. Девочки обучались женским ремеслам с трех лет, сначала в форме игры; затем, лет с семи-восьми, начиная с

простых уроков, к шестнадцати годам достигали вершин мастерства: «в обычае, дабы девки 16-ти летние одевались сами, не требуя от отца» [9]. Занятия не бросали, как правило, до самой глубокой старости.

Первой учительницей ремесла была мать, затем обучение продолжали в различных школах. Девушки «среднего сословия» в большинстве своем обучались в частных мастерских. Примером могут служить воспоминания Л. А. Скузы-Ярцевой, которая в 1905 г. брала уроки в пошивочной мастерской верхнего платья: «я должна была воротнички из тонкой материи, выстроченные, густо брызгать водой, намыливать мылом и водить горячими утюгами до тех пор, пока они не становились колкими. Я освоила гладильное дело, стала заниматься им полдня, а остальное время мастер учил меня овладевать наперстком без донышка. Это была мудреная работа» [10].

Девушки из дворянских семей обучались в институтах и других закрытых заведениях, в которых учебный план включал, наряду с Законом Божьим, арифметикой, чтением и правописанием и некоторыми другими предметами, обучение шитью и вязанию.

Таким образом, ручной труд представлялся немаловажным пунктом женского образования, но для высшего сословия акцент делался на работу с иглой, для среднего – на изготовление одежды. В крестьянском быту обучение женским ремеслам (в которые входили в том числе портновское мастерство, умение вязать, вышивать, плести кружева) заменяло собой школу, в которую дети крестьян обычно не ходили.

В соответствии с вышесказанным рукоделие для женщины получило смысл особой приметы, по которой оценивались ее хозяйственные способности. «При выходах в церковь или к гостям и вообще в парадных случаях царицы и царевны, как и все женщины и девицы, в руках всегда носили ширинку, носовой платок роскошно вышитый золотом, серебром и шелками, а иногда и низанный жемчугом и пакищенный по каймам золотыми кистями... Особенная ценность ширинки заключалась в шитье, где со всею роскошью выказывалось женское рукодельное искусство, не только в чистоте и тонкости работы, но и в женском замыслении по отношению к сочинению узора и всяких украшений. Ширинка, таким образом, всегда служила хвостовским предметом домашнего рукоделья и указывала значение и высоту рукодельных достоинств всякой доброй и порядливой домоводницы из женщин, и трудолюбивой и, следовательно, добронравной невесты из девиц. В самом наряде это была наиболее заметная статья в этом отношении, и женщина и девица, неся в руках ширинку, тем самым как бы доказывала,

если не всегда собственные рукодельные таланты, то всегда ... свои хозяйские таланты. Оттого ширинки, вместе с убрусами, волосниками, сорочками, как исключительные предметы домашнего рукоделья занимают очень видное место и в свадебных дарах, где такими дарами всегда старались представить с самой выгодной и похвальной стороны рукодельное прилежание и художество невесты и ее семьи» [11].

Богатство приданого определялось числом собственноручно изготовленных невестой «накрючников», т. е. полотенец, часть которых составляла убранство горницы при играньи свадьбы, другая часть раздавалась гостям при обряде венчания. Кроме «накрючников», в приданое входили и «ручники», заменявшие салфетки за свадебным столом, «обтяжные настолы», т. е. салфетки для столов и комодов, и простыни [12]; все приданое отделялось строчевым шитьем и кружевом. В числе других простыней главной по значению среди приданого была простыня свадебная, отделанная широким бордюром из тончайшего собственноручно изготовленного кружева. Изготовление только ее одной требовало от молодой девушки до двух лет кропотливого труда. Все приданое расшивалось «по перевити», «атласником», «по вырезкам»; его выставляли в доказательство умения, трудолюбия и усердия молодой.

Часто, вследствие женской сверхзанятости, рукодельничать приходилось за счет часов сна и отдыха. Это было особенно выражено в самых беднейших семьях, где русские женщины «весьма пекутся о чистоте в доме, прядут на самопрялках и на пряслице, ткнут холстину и сермяжные сукна на станках... белят, валяют, красят, вяжут кружева... для утиральников и повязок, делают войлоки, стряпают кушанье, пекут хлебы, смотрят за домашнею живностию и вообще больше всех других европейских поселянок упражнены, можно сказать, до излишества, ибо сверх работ своих во весь почти год отправляют на дому и в поле те же работы, что и мущины, выключая немногих» [13].

Следовательно, рукоделие требовало определенных черт характера, которые в русском обществе ассоциировались с женственностью, скромностью, приверженностью к семейному образу жизни, семейному очагу. Женщина должна была обладать терпением и трудолюбием, чтобы заниматься такой монотонной и кропотливой работой, как вышивка, вязание, кружевоплетение, шитье; склонностью к замкнутому образу жизни, а значит, и добродетельностью; неприятием праздности. Таким образом, рукоделие приобрело роль внешнего выражения нравственных достоинств, присущих русской женщине, то есть рукоделие и добродетель стали синонимами.

Кроме приятного или полезного в материальном отношении времяпровождения, рукоделие в России имело еще один смысл, а именно являлось способом самопознания и самоопределения женщины. Этот момент удачно выражает стихотворение Евдокии Ростопчиной «Недоконченное шитье»:

...Затейливый развод, блестящие цветы,
В иное время мной вы были начаты...
И много сладостных, живых воспоминаний
Ваш вид наводит на меня,
И много дум, событий, упований,
С отделкой пестрой этой ткани
Во дни минувшие слила душа моя!..
Для женщины час скромных рукоделий
Есть час спокойствия, молчанья, дум святых,
Самопознания час вдали сует мирских;
То промежуток ей меж выездов, веселий.
То отдых от забот, от света, от людей.
Досуг, чтоб прозревать, читать в душе своей.
Когда над пяльцами, за столиком богатым,
Она склоняется, работой занята,
...Жизнь душевную шитье проводит с ней,
И дорого и любо ей» [14].

Не случайно в программах профессионального образования в России 2-й половины XIX века, целью которых считалось улучшение условий жизни женщин из социальных низов, акцент делался именно на женский ручной труд. Шитье стало средством спасения падших девушек, а швейная машинка – символом искупления.

Женское рукоделие получило особенно обширное применение в женских монастырях в силу потребности Церкви в богатом убранстве и особой нравственной обстановки: «какое же рукоделие было соответственнее монастырскому настроению мысли, как не то, которое прямо шло на украшение Божьего храма» [15]. Так, под 1365 г. в летописи отмечено: «Княгиня же Василиса... сама нача жити в монастыре у св. Зачатья, иже сама создала при князи своем; тружаяся рукодельем, постом, поклоны творя, молитвами и слезами, стоянием ноцным и не спанием; многожды и всю ночь без сна пребываше; овогда чрез день, овогда чрез два, иногда же и пять дней не ядыше; в мовью не хожаше, в срацице не хожаше, но власяницу на теле своем ношаше» [16].

подавляющее большинство предметов женских рукоделий, в отличие от Европы (где рукоделие было поставлено на коммерческую основу), исполнялось не на продажу, а для благотворительности. Например, боярыня Морозова употребляла

свой досуг «на рукодельные труды также в пользу нищих и убогих. Иногда руки ее пряслице касались, садилась она за прялку, готовила нити и теми нитями шила рубахи, и ввечеру, с одною из стариц, домочадицею Анною Амосовною, одевшись сама в рубище, ходила по улицам и по стогнам града, по темницам и по богадельням, и оделяла рубахами нищих» [17]. Для помощи бедным последняя русская императрица основала Общество рукоделия, где каждая участница должна была сшить не менее трех вещей; в подобном духе были воспитаны и ее дочери. В ГАРФ хранится фотография, на которой изображена Великая княжна Анастасия в возрасте 6–7 лет за вязанием свитера большого размера или одеяла из темных грубых ниток, скорее всего, для госпиталя или лазарета [18].

Женский досуг в военное время имел особую специфику, так как нравственность не допускала траты времени на вышивание подушек и кошельков. Умелицы шили белье и гимнастерки, вязали крючком и на спицах теплые вещи для воинов – носки, шарфы, даже одеяла. Так, например, в одном из модных журналов непосредственно после начала Первой Мировой войны был опубликован призыв к подписчицам сшить одну-две солдатские гимнастерки; прилагается выкройка с подробным описанием процесса изготовления. Обращение к мастерицам звучало так: «в эти тяжелые дни, когда из каждой семьи ушли мужья, сыновья, братья защищать кровью своею достоинство, мощь, самую жизнь России, понятно, что русская женщина не может оставаться безучастной. Сильная духом, она захочет проявить свою горячую любовь к родине не жалкими слезами и вздохами, а горячей готовностью придти ей на помощь. Работы найдется достаточно для всех... не покидая своего очага, могут взять на себя заботу...о самих наших воинах, доставляя нужное им белье. Мы убеждены, что в эти дни все наши подписчицы не думают о нарядах и платьях, но все объаты одним желанием принести посильную пользу родине, и потому мы думаем, что угадали настроение наших подписчиц, приложив к этому номеру бесплатную выкройку солдатской форменной рубашки (гимнастерки). Мы обращаемся к вам с горячим призывом взяться за дело и сшить по этой выкройке хотя бы одну, две рубашки. Подумайте, что таким образом может набраться внушительное количество около 100 000 рубах, которые пригодятся нашему воинству» [19].

В других выпусках женских журналов для домашнего изготовления предлагались белье и одежда для раненых по образцам Главного Склада Российского Общества Красного Креста, также с описанием и бесплатными выкройками [20], и предметы для снабжения санитарного отряда [21]; публикуется

обращение Митрополита Сербии с просьбой к русским женщинам оказать помощь плохо одетым раненым [22]. Мастерицы вязали для фронта на спицах и крючком шлемы, специальные перчатки с тремя пальцами для стрельбы, теплые носки, набрюшники и наколенники [23]. Собственноручно изготавливали теплые вещи для раненых и императрица Александра Федоровна и ее дочери.

Анализируя вышеприведенный материал, можно с уверенностью сказать, что с течением времени женское рукоделие приобретало новый смысл. Обращение к истории дает необходимую историческую информацию, помогающую осмыслить современное положение традиционных женских занятий.

Библиографический список

1. Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. – 2-е изд., испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – (Академия фундаментальных исследований: история). – С. 134.
2. Там же. С. 134.
3. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 220.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 257.
5. Миленшина Н. А. Российское дворянство XVII – начала XX столетий в контексте трансформации внутрисемейных отношений // Вестник Челябинского Государственного университета. – 2010. – № 30 (211). – С. 6.
6. Игуменья Евгения, основательница Борисо-Глебо-Аносина общежительного девичья монастыря. – М.: Путь, 1995. – С. 14.
7. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века / В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. – М.: Новый хронограф, 2009. – С. 103.
8. Забелин И. Е. Указ. соч. С. 161.
9. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: Росспэн, 1998. – С. 351.
10. Аравин О. Ф. Женское ремесленное образование досоветской Кубани. Исторический аспект // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность: сб. мат-лов VI междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2007. – С. 220.
11. Забелин И. Е. Указ. соч. С. 211.
12. Давыдова С. А. Очерк кружевной промышленности в России // Кустарная промышленность России: Женские промыслы: очерки С. А. Давыдовой, Е. Н. Половцовой, К. И. Беренс и Е. О. Свидерской. – Спб., 1913. – С. 67.
13. Милов Л. В. Указ. соч. С. 350.
14. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б. Романов; худож. В. В. Вагин. – М.: Сов. Россия, 1986. – С. 59.
15. Забелин И. Е. Указ. соч. С. 219.
16. Там же. С. 51.
17. Там же. С. 65.

18. ГАРФ. Романова Ольга Николаевна. Альбом фотоснимков. 1907–1908 гг. [электронный ресурс]. – URL: <http://statearchive.ru/435?page=2> (дата обращения: 28.10.2011).
19. Модный свет: илл. журн. для дам. – СПб.: Изд-во Г. Д. Гоппе. – 1914. – № 12. – С. 1.
20. М–курьер / изд.-ред. Н. П. Аловерт. – СПб. – 1914. – № 35. – С. 305.
21. Журнал для хозяек и женская жизнь / ред. А. В. Лобанов, изд. т/д А. В. Лобанов и К°. – М. – 1914. – № 16. – С. 31.
22. Женская жизнь / ред. А. В. Лобанов, изд. т/д А. В. Лобанов и К°. – М. – 1914. – № 2. – С. 8.
23. Модный курьер / изд.-ред. Н. П. Аловерт. – СПб. – 1915. – № 6. – С. 12; Там же. № 36. С. 69; Там же. № 42. С. 82; Вестник моды / изд.-ред. Н. П. Аловерт. – СПб. – 1915. – № 35–36. – С. 328; Модный свет: илл. журн. для дам. – СПб.: Изд-во Г. Д. Гоппе – 1915. – № 1. – С. 12; Там же. 1914. № 20. – С. 12.

КАМЕНЕЦКИЕ ПРЯЛКИ

Е. С. Бохан, А. М. Романюк

**Белорусская государственная академия искусств,
г. Минск, Беларусь**

Summary. The article of E. S. Bohan and A. M. Romaniuk «Kamenets distaffs» is develops the unique collection of spinning wheels, assembled a famous art historian and ethnographer M.F. Romanyuk. Analysis of the collection can be get an idea of decoration features spinning wheels, existed in the late XIX–early XX centuries in Kamenets district, Brest region. The article addresses the issues of manufacturing technology, composite construction and layouts of the ornament in the decoration of spinning wheels.

Key words: distaff; folk art; ornament.

Как и у многих славянских народов, у белорусов существовала традиция украшения прялок резными узорами.

Интерес к изучению особенностей прялок, их роли в обрядах, их значению в культурном контексте появился у этнографов уже в позапрошлом веке. Сложная структура декора прялок может объясняться тем, что эти традиционные изделия имели чрезвычайно высокий уровень семиотизации. Приспособление, с помощью которого кудель «окультуривалась» и становилась нитью, из которой впоследствии создавалась ткань, активно использовалось в обрядах и занимало прочное место в картине архаического мировоззрения белорусов. Поэтому, по мнению исследователей, знаковая составляющая этой бытовой вещи была выявлена даже более ярко, чем утилитарная. По своему статусу прялка была ближе к принадлежащим духовной сфере жизни человека вещам – культовым или художественным. Уникальность этих утилитарных вещей в том,